

Когда Тан Шэню стало получше, они заговорили о событиях в управе Сицзинь. Тан Шэнь знал куда больше того солдата, и с его слов многое из того, о чем Ван Чжэнь лишь догадывался, окончательно встало на свои места. Большинство догадок подтвердились с точностью до мельчайших деталей.

— Покушение на Елюй Циня, весьма вероятно, было лишь спектаклем, разыгранным им вместе с Елюй Шэгэ, — произнес Тан Шэнь. — Убийца явно не ранил его, но он сам вонзил себе клинок. Последние дни я много думал об этом и пришел к выводу, что этот удар — не более чем представление с целью надавить на управу Сицзинь и схватить нападавшего. Что же до личности убийцы... возможно, это связано с кем-то из других принцев. Как думаешь, старший брат?

Ван Чжэнь ответил вопросом на вопрос:

— А сам ты как думаешь?

Тан Шэнь ненадолго задумался:

— Третий принц Государства Ляо, Елюй Хань!

От автора:

На самом деле до этого случая старик Ван сам еще не решил, стоит ли умыкать малютку Тан Лана. Слова, сказанные им четвертому дяде, были вполне искренними: «Он не из наших». Ван Чжэнь сомневался, имеет ли право втягивать малютку Тан Лана в жизнь, где тому до конца дней суждено остаться без детей и без «нормальной семьи».

А вот проникся ли малютка Тан Лан чувствами к старшему брату еще задолго до этого... угадайте сами~

Со дня покушения на Елюй Циня прошло уже пять дней.

Прибытие Елюй Циня в управу Сицзинь произошло внезапно, и в ту же ночь на него напали, поэтому у Тан Шэня оставалось слишком мало времени, чтобы докопаться до истины. Однако с течением дней картина в его голове становилась все яснее.

— Управа Сицзинь — главный оплот южных чиновников. Елюй Шэгэ, будучи вторым принцем Государства Ляо, преодолел неблизкий путь до управы Сицзинь явно не без умысла. Наемника подослали не они, иначе Елюй Циню не пришлось бы самому колоть себя ножом — достаточно было позволить нападавшему ранить его. Убийца был настоящим, а вот секретное письмо наверняка фальшивка, да и ранение Елюй Циня — не безвинное происшествие. Похоже, все это — искусно расставленная ловушка Елюй Шэгэ и Елюй Циня!

Как говорится, со стороны всегда виднее.

То, что Лу Шэнь своими глазами видел, как Елюй Цинь вонзил в себя клинок, позволило Тан Шэню разглядеть половину правды.

— Елюй Шэгэ намеренно прибыл в управу Сицзинь, чтобы устроить эту ловушку, ведь большинство влиятельных чиновников управы поддерживают его, — продолжить Тан Шэнь. — При дворе Ляо император давно устранился от дел. Северные чиновники поддерживают третьего принца Елюй Ханя, а южные — второго принца Елюй Шэгэ. Елюй Шэгэ просто обратил чужой замысел против самого противника и заманил его в капкан. Стоит им схватить

убийцу, как они сразу же смогут обрушить удар на Елюй Ханя. Даже то секретное письмо с вероятностью в девяносто процентов состряпано ими. Чтобы устранить Елюй Ханя, Елюй Шэгэ и Елюй Цинь пошли на невероятные ухищрения.

Анализ Тан Шэня был последовательным и безошибочным — все это полностью совпадало с догадками Ван Чжэня.

Во всем Государстве Ляо больше всего желал избавиться от Елюй Шэгэ именно Елюй Хань. И наоборот.

Однако оставалось кое-что, о чем Тан Шэнь, недавно побывавший в Ляо, еще не знал ввиду нехватки сведений.

— Чтобы расправиться с одним лишь Елюй Ханем, не потребовалось бы прилагать столько усилий, — добавил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь недоуменно поднял голову:

— Что ты имеешь в виду, старший брат?

— Южные чиновники в большинстве своем поддерживают Елюй Шэгэ, но ключевое слово здесь — «в большинстве», а не все поголовно, — ответил Ван Чжэнь. — С Елюй Ханем же ситуация иная: за его спиной стоит Великий учитель Елюй Дин. — Ван Чжэнь вздохнул, будто восстанавливая в памяти давно прошедшие дни: — Елюй Дин... этот человек словно нерушимый оплот. Если бы не он, двадцать один год назад Великая война между Сун и Ляо едва ли затянулась бы на целое десятилетие.

Тан Шэнь мгновенно все понял:

— Значит, сговор Елюй Шэгэ и Елюй Циня против Елюй Ханя — это на самом деле уловка против Великого учителя Елюй Диня!

Ван Чжэнь улыбнулся:

— Младший брат, знаешь ли ты, что из четырех принцев любой — даже если не брать самого способного и достойного Елюй Шэгэ — двое остальных все равно во многом превосходят сильного, но лишенного ума Елюй Ханя? Но почему же Елюй Дин упорно поддерживает именно Елюй Ханя?

Тан Шэнь на мгновение опешил. Задумавшись ненадолго, он произнес:

— Елюй Дин сам знатного происхождения, поэтому и отдаёт предпочтение Елюй Ханю, обладающему столь же высоким родом.

— Это одна из причин.

— Есть и другие?

Ван Чжэнь слегка изогнул губы в улыбке:

— Управлять глупцом куда проще и удобнее, чем теми, кто далеко не глуп!

Тан Шэня осенило.

Приказ серебряных ассигнаций существовал уже два года, и за это время Ван Чжэнь изучил Государство Ляо куда лучше Тан Шэня. Ляо отличалось от Великой Сун: Император Ляо в молодости прошел немало сражений и теперь был подкочен болезнями и старыми ранами. Вся власть в совете оказалась сосредоточена в руках Елюй Диня — совсем не так, как у сунских сановников, разбившихся на враждующие клики. Повелитель Сун, Чжао Фу, владел искусством правителя в совершенстве, и пусть он был намного старше Императора Ляо, ни один чиновник при дворе не смел открыто принимать сторону кого-либо из принцев.

Не говоря уже про Великого учителя или Су Вэньюня, входивших в Фракцию императора, даже влиятельные сановники вне этой фракции ни разу не высказались по поводу престолонаследия.

Потому что один Чжао Фу стоил тысячи незрелых принцев!

Если бы этим чиновникам предложили выбор — например, спроси Тан Шэнь прямо сейчас у Ван Чжэня, хочет ли тот, чтобы Чжао Фу скорее скончался и уступил трон наследнику, или же надеется, что император действительно «постигнет дао» и проживет еще сто лет, — Ван Чжэнь без колебаний ответил бы: «Все принцы вместе взятые не стоят и сотой доли Его Величества».

И это были бы не льстивые речи, а чистая правда.

Спроси они Тан Шэня, тот лишь вздохнул бы: «Пока Чжао Фу жив хоть лишний день, между Сун и Ляо царит мир».

Наступила ночь. Ван Чжэнь убедился, что Тан Шэню стало лучше и жар спал. Ему требовалось вернуться в Приказ серебряных ассигнаций для работы с документами, поэтому он собрался уходить.

— Уже так поздно, — заговорил Тан Шэнь. — Может, старшему брату стоит остаться на ночлег в лагере Ючжоу?

— Младший брат, а ты знаешь, зачем Юй Чаошэн прибыл в Ючжоу? — спросил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь только успел очнуться, как ему зачитали указ, так что он, разумеется, был в курсе:

— Государь направил господина Юя в Ючжоу, чтобы тот сменил меня на посту инспектора Приказа серебряных ассигнаций.

— И много ты наинспектировал? — огорошил его вопросом Ван Чжэнь.

— ...

— Если я сегодня не вернусь в Приказ серебряных ассигнаций и не разберу дела, накопившиеся за эти дни, кто завтра прикроет тебя перед господином Юем? — Ван Чжэнь тяжело вздохнул и с наигранной печалью произнес: — Не думал, что настанет день, когда я, Ван Цзыфэн, буду потворствовать кумовству и нарушать закон ради одного человека.

Ван Чжэнь произнес это настолько искренне и с чувством, что Тан Шэнь на миг даже забыл о реальности: ты, Ван Цзыфэн, никогда не потворствовал кумовству и не обманывал государя?!

Да в это даже Ли Цзиндэ не поверит!

В тот момент Тан Шэнь был тронут до глубины души. Ему невероятно захотелось спеть для Ван

Чжэня песню «На свете лучше старшего брата нет», но, вспомнив, что в оригинале она посвящалась матери, он тут же связал это с давним замечанием Ван Чжэня: «Мать волнуется, когда дитя уходит за тысячу ли». Лицо Тан Шэня изменилось, и он тихо проговорил:

— Старший брат ко мне так добр... Я тронут, но... мне отчего-то не по себе.

— Отчего же? — уточнил Ван Чжэнь.

Тан Шэнь не стал отвечать, а лишь сказал:

— Давай я лучше спою тебе песню.

Ван Чжэнь озадаченно посмотрел на него, не понимая, с чего вдруг Тан Шэнь собрался петь.

Тан Шэнь затянул без музыки:

— На свете лучше старшего брата нет, дитя без старшего брата — что сухая трава!

Ван Чжэнь, отличавшийся редкой проницательностью, немного помолчал и заметил:

— Мне почему-то кажется, что эта песня должна петься совсем иначе.

— Уже стемнело, в пригороде бродят дикие волки, — проговорил Тан Шэнь. — Старшему брату стоит поторопиться в город, а не то потом не проехать.

Ван Чжэнь неожиданно рассмеялся:

— Эх, ну и ну...

Его голос оборвался. Казалось, Ван Чжэнь хотел добавить что-то еще, но смыкнул губы и не стал продолжать.

Сев в экипаж, Ван Чжэнь покинул лагерь Ючжоу и направился в город Ючжоу.

Заметив, что тот уехал, Тан Шэнь облегченно перевел дух. Оставшись в одиночестве, он принялся размышлять: «Что же Ван Цзыфэн хотел сказать перед уходом?» Внезапно в его голове всплыли слова, и Тан Шэнь выпалил вслух:

— Избаловался и зарылся?!

Полгода назад Ван Чжэнь уже произносил эти слова в его адрес, и теперь Тан Шэнь снова вспомнил о них. Он долго молчал, а затем тихо пробормотал про себя: «И когда только мы с Ван Цзыфэном стали эдакими?» Больше не осталось той настороженности и осторожности, что были при первой встрече. Он действительно начал всем сердцем доверять этому человеку.

Тан Шэнь предался воспоминаниям о прошедших четырех годах, шаг за шагом восстанавливая в памяти моменты, проведенные с Ван Чжэнем. Он еще не успел толком привести мысли в порядок, как стоявший у шатра воин вошел и доложил, что к Тан Шэню пришел посетитель.

Тан Шэнь удивленно отозвался:

— Впусти его.

<http://bllate.org/book/18292/1757390>